

Павел Николаевич Сизмин

В преддверии Дня Победы в Великой Отечественной войне мне хочется рассказать о нашей семейной гордости - о моём дедушке. Мой дед Сизмин Павел Николаевич - моряк-подводник с легендарной подводной лодки Щ-421, за мужество и отвагу при обороне Советского Заполярья был удостоен медали «За отвагу», ордена «Красной Звезды», медали «За оборону Советского Заполярья» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-45 гг.».

Дедушка родился и вырос в деревушке Вологодской области, был в молодости весёлым простым пареньком, знающий с детства крестьянский труд и цену хлеба, любящий родные просторы, красоту Кубенского озера и свою Родину, умело обходился с гармонью, знал множество русских частушек и народные пляски.

В 1940 году мой дедушка был призван в армию, во флот и направлен служить на Соловецкие острова в учебный отряд Северного флота. Но потом за два месяца до начала войны переведён служить в город Полярный, где его и определили в экипаж легендарной подводной лодки Щ-421 (на «Щуку», как её называли моряки), о которой в годы Великой Отечественной войны на Северном флоте гремела небывалая слава. Здесь моего деда избрали секретарём комсомольской организации лодки.

Наступили тяжёлые боевые будни для него и его товарищей. Гитлеровское командование, захватив северные побережья Норвегии и Финляндии, рассчитывали воспользоваться этими удобными базами, чтобы нанести с севера молниеносный удар по Советскому Заполярию, оккупировать побережье Кольского полуострова и проложить путь к Белому морю. Но все попытки подводных лодок немецко-фашистских захватчиков проникнуть в наши воды неизменно терпели неудачу. Наши подводники и в зимних условиях, во время ожесточенных штормов и снежных вихрей проявляли героизм и мужество, отстаивая свои рубежи.

Особенно отличилась подводная лодка «Щ-421», командовал которой капитан-лейтенант Н. А. Лунин (впоследствии дважды Герой Советского Союза). «Щука» одна из первых показала, как нужно использовать тёмное время суток для активного поиска врага на его же коммуникациях, и для внезапного уничтожения врага.

В конце октября «Щука» вышла в море, разыгрался десятибалльный шторм. Щ-421 шла в районе, где ещё никогда не появлялись наши подлодки. После нескольких суток поиска подводники обнаружили вражеский транспорт, следовавший в сопровождении немецких миноносцев. Фашисты обнаружили нашу «Щуку», сбросили на неё глубинные бомбы. Уклоняясь от преследования врага и умело маневрируя, лунинцы и мой дед в том числе, атаковали транспорт. Торпедирование было произведено из подводного положения. Мощный взрыв двух торпед потряс воздух.

Через день радиометрист «Щуки» обнаружил на поверхности моря шум винтов. Лодка пошла в атаку. От залпов над транспортом взметнулся

высокий столб воды, вражеское судно накренилось и стало погружаться в морскую пучину. Из этого похода лодка вернулась с победой: три вражеских корабля, груженные боевой техникой нашли себе могилу в студёных глубинах моря. Кроме этого были собраны ценные разведывательные данные о состоянии противолодочной обороны неприятеля.

От похода к походу рос боевой счёт и мастерство экипажа. Пять походов прошли благополучно, а в шестом произошло несчастье. Это случилось 9 апреля 1942 года в пяти милях от норвежского берега. Мой дед был не многословен в своих воспоминаниях, но не раз рассказывал своим сыновьям, и в частности моему отцу, тот последний день их «Щуки».

«Щ-421» уже двадцатые сутки крейсировала на коммуникациях противника. Несколько дней назад она встретила вражеский конвой на подходах к Лаксе-фьорду и потопила крупный транспорт.

Победный счёт «Щуки» с потоплением восьмого фашистского судна достиг 49 000 тонн. Событие это стало ещё более радостным, когда старшина группы радистов Рыбин принял сообщение о награждении лодки орденом Красного Знамени и присвоении бывшему её командиру Николаю Александровичу Лунину звания Героя Советского Союза.

Субмарина почти не отходила с пути движения конвоев. Днём, экономя электроэнергию, маневрировала самыми малыми ходами на безопасной от таранного удара глубине, периодически всплывая под перископ. Короткими ночами заряжали аккумуляторы. Море было на редкость пустынным. Ни дымки, ни паруса. Все будто вымерло. Но подводники научились терпеливо ждать.

В 20.55 на вахте помощника командира капитан-лейтенанта Каутского при очередном всплытии для осмотра горизонта у левого борта послышался леденящий кровь шорох минрепа, а через полминуты оглушительный взрыв потряс лодку. Вахтенных сбilo с ног, а отдыхающих выбросило с коек на палубу.

Гремели сорванные с фундаментов механизмы. Звенело битое стекло. Погас свет, и зажурчала поступающая в кормовые отсеки вода. Дифферент «клюнул» на нос, затем выровнялся и сейчас же стремительно начал нарастать на корму. Корабль, не слушаясь рулей, проваливался на глубину. Все это случилось совершенно неожиданно, но паники на корабле не было.

Старпом немедленно объявил аварийную тревогу.

— Заделать пробоину!

— Продуть главный балласт!

Голос Видяева, как всегда, звучал спокойно и властно. Старшина 1-й статьи Власов, работая в темноте на ощупь, сумел быстро найти воздушную колонку и открыть клапаны аварийного продувания. Вода бурлила и хлестала через крышки поврежденных торпедных аппаратов и сквозь трещину люка. Для заделки пробоин шли матрацы, подушки, одеяла и даже бушлаты.

Лодка капитана 2 ранга Котельникова В. Н., несмотря на шторм, с максимальной скоростью спешила на выручку. Едва её экипаж узнал о беде, в которую попала «Щука», как из мощных машин выжали всё, на что они

были способны. Но даже на самом полном ходу «К-22» нужно было более полусуток на переход в район аварии.

Тринадцать бесконечно долгих часов «Щ-421» штормовала под импровизированным парусом, поднятым перископом, то удаляясь, то снова приближаясь к входу в фиорд по густо заминированному району моря. Несколько раз в небе появлялись самолеты. Как только их обнаруживали, подавалась команда времен Ушакова и Нахимова: — Паруса убрать!

Марсовые не разбегались по вантам, салингам и реям. Дело обстояло проще. В центральном посту нажимали две кнопки, и перископы опускались вместе с импровизированными парусами. Делалось это с целью маскировки, чтобы не показывать противнику своего бедственного положения. Самолеты пролетали стороной, и мачты с «ветрилами» вновь поднимались над мостиком.

Ровно в полдень 10 апреля вахтенный Щ-421 доложил: «Вижу подводную лодку в надводном положении! Идёт на нас!» Чья она, своя или чужая? Комендоры держат её на кресте нитей прицелов и ждут команды. Прошло несколько минут, прежде чем послышалось уверенное и радостное:

— Наши!..

По отсекам прокатилось дружное «ура», приветствующее боевых друзей, пришедших на выручку. Вовремя! Только что из-за мыса выскочил фашистский катер, но, увидев силуэт двух грозных кораблей, счёл за благо скрыться в фиорде. Вслед за ним появился самолёт и, покругившись над лодками, ушёл в сторону берега, подавая кому-то сигналы выпуском ракет. Обстановка явно накалялась.

«К-22» приблизилась к «Щуке», и Котельников в мегафон передал Кольшкину о приказе Военного совета флота — попытаться отбуксировать «Щ-421» в базу, а если не удастся — экипаж принять на борт, а лодку потопить.

Несколько раз с большим трудом удавалось подавать стальные тросы, но они рвались при первых же попытках начать буксировку. Люди не жалели сил, начинали всё сначала, но результат был тот же — буксиры обрывались. Наконец сделали последнюю попытку: отклепали якорь и подали на «катушку» якорь-цепь, но и она не выдержала напряжения, шла слишком крупная волна. Подводники не обращали внимания даже на то, что делалось всё это на минном поле, при ежесекундном риске взлететь на воздух.

Виктор Николаевич Котельников, убедившись в бесполезности усилий, вывести «Щуку» из вражеских вод, подошёл к ней вплотную, откинул носовые горизонтальные рули для использования в качестве трапа и подал команду:

— Личному составу «Щ-421» покинуть корабль и перейти ко мне на борт! Взять секретные документы! Торопитесь, товарищи, самолеты противника в воздухе!

Едва ли есть слова более тяжелые для слуха настоящего моряка. А краснознаменцы были отменными моряками, к тому же до самозабвения

любящими свой корабль. Сколько раз он нёс гибель врагам и спасал им жизнь! Они готовы отдать все силы во имя спасения лодки. Но сделать уже действительно ничего было нельзя. Приказ стали передавать по лодке.

В задраенный отсек постучали из шестого отсека:

— Ребята, выходи быстрее! Покидаем корабль...

В седьмом отсеке этому не поверили. Задраиваясь, они заверили Видяева, что не допустят течи и не покинут отсека, пока лодка не окажется вне опасности. Драпиков ответил:

— Мы выполняем приказ командира. С боевого поста уйдём только с личного приказа капитан-лейтенанта. Видяеву пришлось спуститься с мостика и подтвердить приказание отдраить переборку и перейти на «К-22».

И. А. Колышкин и Ф. А. Видяев, высадив экипаж, отказались покинуть корабль. Они решили погибнуть на нём и вместе с ним, как издавна было принято в русском флоте. Только повторное требование Военного совета и решительное заявление Котельникова, что он не уйдёт без них двоих, заставили комдива и командира подлодки выполнить приказание командования.

Видяев плакал. На обречённой «Щуке» он плавал старпомом, совсем недавно стал командиром. Мечтал воевать на ней до полной победы над врагом... Сходя с мостика, он спустил кормовой флаг, поцеловал его и взял с собой... Краснознаменцы выстроились на палубе подводного крейсера.

Когда в прицеле стала видна боевая рубка «Щуки», Котельников взволнованно, но твёрдо скомандовал:

— Аппарат, пли!

Палуба вздрогнула, будто с испуга, и тогда раздался голос Колышкина:

— Снять головные уборы!

Моряки обнажили головы. Раздался взрыв. Над «Щ-421» поднялся столб воды, пламени и дыма.

«К-22» срочно ушла под воду. При входе в Полярное подводный крейсер дал два орудийных выстрела, извещая город о своих победах. Затем подал позывные погибшей лодки и выстрелил еще раз. Это был рапорт о последней победе краснознаменной «Щ-421», так и не успевшей поднять на флагштоке присвоенный ей Указом Президиума Верховного Совета СССР новый орденский флаг.

Далее мой дед Сизмин Павел Николаевич продолжил сражаться на подводной лодке С-102 и участвовал в потоплении трёх транспортов в сопровождении конвоев.

Мой дед прошёл всю войну, вернулся в свой дорогой сердцу колхоз, где был бригадиром, а затем председателем колхоза. Его очень уважали односельчане, всегда приходили к нему за советом, и он по-прежнему был внимателен к людям, готов всегда помочь им советом и делом.

Умер мой дед в 1980 году при очень странном стечении обстоятельств, полоская бельё после стирки в ближайшем пруду, как было принято в деревнях, он почувствовал себя плохо и утонул...

Мы все помним его, гордимся безмерно им и рассказываем о его героическом участии в сражениях среди морских пучин своим детям. Ведь пока мы помним человека, он продолжает жить в наших сердцах.

Второй ряд снизу, крайний справа - Сизмин П. Н.

Статья из газеты Маяк Зстр., 5 ноября 1967 г.

ЛЕНИНГРАД крейсер „Аврора“ 1972 год

Встреча в Ленинграде 1972 г.

Газета Маяк № 90 (6930) от 28.07.1988 г.

Материал подготовлен: Е. А. Барна,
Синдорское ЛПУМГ ООО «Газпром трансгаз Ухта»